

Независимая газета

Предстоящий выбор России

Борьба двух разных проектов в высшем эшелоне власти

2011-02-01 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

В какой мере упоминание Медведевым Немцова, Касьянова, Каспарова и Лимонова как серьезных политиков и последовавший сразу же за этим арест Немцова и Лимонова на 15 суток (явно ни за что) являются отражением борьбы медведевской и путинской верхушечных «партий», и были ли эти аресты сознательным ответом «стойких путинистов» Медведеву, мы можем только гадать. Но то, что в этом эпизоде ярко отразилась борьба двух связанных с Путиным и Медведевым тенденций в нашей верхушке, двух разных, не артикулированных до конца, но ясно различимых политических «проектов», выбор между которыми предстоит сделать в ближайшее время, – очевидно.

Первая, путинская тенденция – инерционная. Для Путина и путинистов десятилетия должны быть прямым продолжением славных нулевых. Эти нулевые, в свою очередь, мыслятся отрицанием лихих девяностых, когда Россия была на грани гибели, от которой ее спас только Путин установлением своей властной вертикали. (О том, что Путин был приведен к власти Березовским и Ельциным, при этом как-то «забывается».) Самая страшная перспектива для Путина – это возвращение в политику людей, «ураганивших» в девяностые и вытолкнутых им за пределы «нормальной» политики в серую зону «полуподполья», вроде Немцова и вместе с ними духа девяностых. Путин так говорит об этой перспективе: «Если мы позволим им это сделать, они отдельными миллиардами уже не ограничатся – всю Россию распродадут». (У Немцова миллиардов явно нет, а есть ли они у нашего премьера, никто не знает.) Чтобы этого не произошло, необходимо сохранить, упрочить и, возможно, даже усилить достигнутый при Путине уровень контроля власти над публичным политическим процессом. С Немцовым и иже с ним надо не заигрывать, как Медведев, а пресекать их «на корню», пока не поздно. И поскольку речь идет о высшей ценности, о родине, которой грозит «распродажа», нельзя слишком заботиться о формальной законности, гуманности, «правах человека» и т.д. Высшая цель оправдывает средства. «Мочить» врагов России – тяжелый «крест» того, кто взял на себя задачу ее сохранения. Что нас ждет, если эта политическая и идеологическая тенденция возобладает и в 2012 году вернется «ничего не забывший и ничему не научившийся» Путин? Очень многие представители властной верхушки вздохнут с облегчением, и первое время все будет спокойно. Но совершенно очевидно, что в конечном счете на этом пути нас ждет то же, чего уже дождались аналогичные путинскому киргизский, тунисский и египетский режимы и что ожидает Казахстан, Белоруссию, Сирию и много других подобных стран. Это революция, причем не мирная и цветная,

которую без каких-либо оснований совсем недавно так боялись Путин и Сурков, не понимавшие, что цветную революцию еще надо заслужить, что она – для относительно либеральных и мягких правителей и режимов, а режимы с жесткой властной вертикалью ждут не цветные, а настоящие революции. Задав оппозицию, засадившая в тюрьмы или отправившая в изгнание своих немцовых и лимоновых, утратившая обратные связи с обществом и погрузившаяся в иллюзорный мир власть раньше или позже будет сметена буйной и «неструктурированной» толпой вроде той, которую мы видим по телевидению в репортажах из Египта и Туниса и прообраз которой мы могли совсем недавно воочию видеть на Манежной. Толчки к возникновению таких толп могут быть самые разные и случайные, они всегда возникают неожиданно и непредсказуемо, к руководству ими могут прийти тоже разные и случайные демагоги, и пытаться вести переговоры с этими толпами бессмысленно – от них надо просто бежать, стараясь прихватить как можно больше нажитых непосильным президентским трудом миллионов. Вернувшегося к полной власти и продолжающего прежнюю политику Путина практически неизбежно ждет судьба Бакиева или Бен Али – я пишу это совершенно без злобы и искренне не желая ему этой судьбы.

Вторая, медведевская тенденция, пока едва обозначившаяся, связана с совершенно иным отношением к оппозиции. Медведев стремится оживить представленную в Думе системную оппозицию и сделать системной ту оппозицию, которая была маргинализирована и радикализирована в путинскую эпоху и вхождение которой в Думу он, несомненно, приветствовал бы. Это предполагает совершенно иное отношение и к наследию девяностых как не только годам постреволюционного хаоса, нищеты и криминальной приватизации, но и годам живого общества, реальной политической жизни. Медведевские десятилетия должны, не возвращая нас к хаосу и нищете, вернуть реальную публичную политику, стать возвращением девяностых «на новом высшем этапе». Понимает ли Медведев, что усилившаяся оппозиция не удовлетворится местами в Думе и устремится к власти, и логическим завершением возвращения утраченной в нулевые свободы должно быть возвращение ситуации 1991 года, когда на действительно свободных президентских выборах победил кандидат оппозиции, сказать трудно. Но похоже, что понимает. В этой логике передача власти мирным и конституционным путем любому системному и вменяемому оппоненту (хоть тому же Немцову) – лучше, чем бегство от революционной толпы.

Оба пути, выбор между которыми предстоит сделать нашему тандему и нашей верхушке в целом в ближайшее время, ведут к концу российской имитационной демократии и нашей квазидинастии передающих друг другу власть президентов. Этот конец неизбежен. Обсуждать, произойдет он или нет, так же нелепо, как и обсуждать, умрем мы или нет. Альтернативными и зависящими от наших усилий являются лишь его сроки, формы и последствия для отдельных людей и для страны в целом. От того, какая тенденция возобладает в ближайшее время, как разрешится альтернатива 2012 года и, если она разрешится в пользу Медведева, как он распорядится

своей властью, зависит не конечная судьба режима, а будет ли его конец мирным или он будет настоящей революцией с непредсказуемым исходом. Реальные интересы нашей верхушки совпадают с интересами общества. Выбор путинского варианта был бы самоубийственен для самого Путина и для теперешней верхушки и очень плох для страны, которая, конечно, не погибнет от революции, но потеряет силы и время. Однако люди чаще руководствуются не разумом и реальными интересами, а инстинктами и идеологическими иллюзиями. И история полна такими самоубийственными выборами правителей. Все свергнутые бакиева и бен али когда-то могли остановиться и пойти по иному пути. Они перестали бы быть президентами, но оставались бы уважаемыми и влиятельными политиками, и им не надо было бы бежать из страны. Но все они шли по пути, на который их толкали примитивные инстинкты и идеологический самообман. Все они убеждали себя, что их случай – особый, что народ их поддерживает, а оппозиция им – кучка безответственных демагогов, что все держится на них, и если они уйдут – страна погибнет. Все они предпочитали тяжелому и неприятному пути спасения путь, который казался удобным и легким, но оказывался для них и их стран путем в ад. Поэтому шансов на то, что Путин и его приверженцы решат, что хватит либеральничать и что стране при Медведеве грозит страшная перспектива возвращения в политику ужасных немцовых, заставят психологически зависимого от своего собрата по тандему президента освободить место, и мы продолжим движение к катастрофе, довольно много.